

Е. И. ДЕМИНА (Москва)

НОВОБОЛГАРСКАЯ ВЕРСИЯ „ЖИТИЯ ПЕТКИ ТЫРНОВСКОЙ“ ПАТРИАРХА ЕВФИМИЯ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ФИЛОЛОГОВ XIX ВЕКА

Среди литературных трудов прославленного тырновского патриарха Евфимия (1375—1393) своей яркой выразительностью, эмоциональностью, экспрессивно приподнятым, панегирическим стилем повествования, характерным для византийско-болгарского исихазма, интересом к человеческой индивидуальности¹ выделяется пространное житие св. Параскевы (Петки) Тырновской, написанное им примерно в 1376—1382 гг. по заказу болгарского царя Ивана Шишмана и получившее широкие распространение не только в болгарской, но и в сербской, румынской и русской письменности XV—XVII вв.² Мы встречаем его в славянских сборниках самого различного состава — служебниках, прологах, панегириках, минеях, собраниях поучительных слов, в частности, в русских Четых-Минеях XVI—XVII вв., в сборнике Божидара Вуковича, изданном в 1536 г. в Венеции³. Одна из редакций евфимиевского Жития Петки в 1643 г. была переведена на румынский митрополитом Молдавии Варлаамом⁴. Текст Жития послужил одним из основных источников компилятивной румынской редакции, составленной в конце XVII в. Дмитрием Кантемиром⁵.

Не обошли своим вниманием это яркое произведение безымянные болгарские книжники XVII в. — создатели нового типа литературного болгарского языка — книжного языка на народной основе, — включив его новоболгарскую версию в состав сборников поучительных слов, апокрифов, проповедей, по имени наиболее часто встречающегося в них автора, (греческого писателя XVI в. Дамаскина Студита) получивших название дамаскинов. Сравнительно-текстологическое исследование списков Жития Петки Тырновской в составе дамаскинов позволило нам выявить наличие двух его новоболгарских версий на народном в своей основе языке и установить их связь с краткой редакцией произведения Евфимия

на традиционном болгарском литературном языке, которая имела широкое распространение как в Болгарии, так и за ее пределами⁶. Именно эта редакция, в которой по сравнению с первоначальной евфимиевской редакцией, установленной Е. Калужняцким, опущено пространное введение, прощальное и похвальное слова и молитва к св. Параскеве, а по сравнению с одним из видов распространенной редакции нет рассказа Григория Цамблака о перенесении мощей св. Петки после захвата Тырновской Болгарии турками в Видин, а затем в Сербию, известна и по дамаскинам архаичной редакции на традиционном болгарском литературном языке (Ханджарскому дамаскину 1686 г.), к которым, видимо, восходит новоболгарский текст. Кстати, краткая редакция была издана в упоминавшемся выше сборнике Божидара Вуковича, а также переведена на румынский митрополитом Молдавии Варлаамом.

Старшая из новоболгарских версий, представляющая собой свободный пересказ краткой редакции, относится к первой половине ХУП в. Она, в свою очередь, представлена двумя разновидностями текста, отраженными соответственно в двух типах новоболгарских дамаскинов ХУП—ХУШ вв. — Тихонравовском, Протопопинском, Копривштенском, Троянском, Пловдивском №117 и др., с одной стороны, Люблянском, Дряновских А и Б, Тревненском, Котленском, с другой. Между ними легко прослеживается генетическая взаимосвязь, причем о постепенном движении текста от редакции типа Тихонравовского дамаскина к редакции типа Люблянского дамаскина позволяют судить списки Жития Петки в дамаскинах смешанного типа (Сливенском, Жеравненском). Младшая новоболгарская версия, представляющая собой почти буквальный, пословный перевод текста краткой редакции, отражена в дамаскинах IV новоболгарского типа⁷.

Вопросы исторической и текстологической судьбы „Жития Петки Тырновской” патриарха Евфимия, соотношение языка и стиля новоболгарских версий этого произведения с другими редакциями и первооригиналом, мастерство книжников-создателей новоболгарского текста, сумевших талантливо перевоплотить нарочито архаизованный и усложненный язык и стиль Евфимия средствами живой народной речи и достигнуть по-своему выдающегося в стилистическом отношении эффекта, были рассмотрены в моем докладе на Втором международном симпозиуме „Търновска книжовна школа”⁸. В настоящем сообщении, продолжая тему, хотелось бы коснуться ее историографического аспекта, а именно проследить путь постепенного вхождения в российскую филологию XIX в. сведений о новоболгарском тексте евфимиевского Жития св. Петки Тырновской, к которому исследователи обращались как при решении историко-текстологических задач, так и привлеченные языковыми и содержательными аспектами этого сочинения. XIX столетие в истории научного славяноведения, делающего свои первые шаги, выделяется блестящими традициями выявления археографического, палеографического и текстологического изучения, языковой характерис-

тики и издания памятников древнеболгарской, среднеболгарской и новоболгарской письменности в связи с общим исследованием истории, языка и культуры славянских народов и задачами сравнительной грамматики славянских языков. Широкая исследовательская деятельность российских филологов, достигнутые ими результаты⁹ нуждаются во всестороннем освещении. Предпринимаемая в настоящих заметках скромная попытка взглянуть на этот процесс сквозь призму интереса к одному из сочинений Евфимия Тырновского позволяет коснуться некоторых научных исканий того времени, свидетельствующих, в частности, о пиетете к делу „великого болгарского литературного и духовного деятеля XIV в.“¹⁰ „Патриарха Терновского и всея Болгарии“¹¹ Евфимия. Обращение к новоболгарской версии евфимиевского жития св. Петки, неразрывно связанное с введением в научный обиход первых сведений о письменности дамаскинов с ее народным в своей основе языком, и в этом более широком аспекте, безусловно, заслуживает внимание историографов.

Примечательно, что интерес к новоболгарскому тексту Жития Петки, восходящему к сочинению патриарха Евфимия, связан уже с самыми истоками изучения в России болгарского языка, словесности и культуры и, прежде всего, с деятельностью Ю. И. Венелина. Как известно, в 1830—1831 гг. по заданию Российской академии он совершил ученое путешествие на Балканы, в поработленную Османской империей Болгарию для ознакомления с этим мало тогда известным краем, его языком и письменностью с целью, в частности, создать грамматику болгарского языка¹². Именно в связи с работой над „Грамматикой нынешнего болгарского наречия“, которая была завершена в 1834 г., Венелин и обращается к Житию св. Параскевы в его новоболгарской версии по одному из рукописных сборников, привезенных им из путешествия. Пытаясь в своей Грамматике решить один из важнейших вопросов создания единого болгарского литературного языка, а именно, осушествовать „критический опыт болгарского правописания для предложения его будущим болгарским литераторам“¹³, Венелин стремится не только описать грамматический строй болгарского языка, что, по его убеждению, является основной формой упорядочения орфографических норм, но и создать определенный „образец“ орфографического оформления текста т. е. прибегнуть к традиционному для славянского средневековья способу решения проблем правописания. С этой целью он прилагает к своей Грамматике „Болгарскую хрестоматию“, которую „исправил по правилам этого опыта“¹⁴. В качестве Хрестоматии и был использован текст Жития Петки, который Венелин переписал в три столбца: (I) в орфографии подлинника, (2) в соответствии с нормами предлагаемой Венелиным орфографии и (3) в переводе, весьма вольном, на русский язык. Второй столбец и должен был послужить „образцом этимологического правописания“, т. е. показать читателю, как решает автор те или иные вопросы правописания, предоставляя ему в то же время возможность сравнения с исходным текстом¹⁵. Но помимо этой прикладной задачи публикация

текста Жития Петки Тырновской преследовала, по замыслу Венелина, и другие цели, а именно должна была сыграть роль хрестоматии, знакомящей с особенностями народного болгарского языка. Сам Венелин так пишет об этом, сообщая в одном из своих писем о содержании Грамматики: „К концу приложил я четь о Святой Пятнице или Параскевии Терновской, сочинение Евфимия Патриарха Терновского и всея Болгарии (стр. 355). Четь сию извлек из рукописного собрания разных поучительных слов на праздничные дни, писанных на простом наречии. Это я прилагаю в виде Хрестоматии Болгарской не от того, чтобы четь сия отличалась хорошим отработанным слогом (который еще остается обработать самим Болгарам), но от того, чтобы заставить говорить самого какого-либо Болгарина”¹⁶.

Это высказывание Венелина важно во многих отношениях. Тот факт, что главным для Венелина было избрать оригинальное болгарское произведение („заставить говорить самого какого-либо Болгарина”), причем сочинение, написанное „на простом наречии”, свидетельствует о том, что за основу литературно-языковой нормализации путем применения ориентированных на традицию правил „этимологического правописания” Венелин избирал живой народный язык. Новоболгарская версия „Жития Петки Тырновской” вполне удовлетворяла этим требованиям. Ее отличает живой сказовый стиль повествования, простой и доступный по форме, выдержанный от начала до конца в одном ключе. А благодаря дополнительно включенному в новоболгарский текст по сравнению с оригиналом Евфимия пассажи: „ѡмнѣ тѣмѣ коѣкото нашъ ѡмъ постигнѣ, ѡ написѣ ѡзъ ѡвѣтнѣ патрїѡрхѣ трѣновскѣ, цѣ знагѣ. ѡмнѣ ѡ вѣе блѣннѣ хрѣтіѣне послушамѣ” (Тихонравовский дамаскин, л. 55), задающему тон всему повествованию, он выступает как своего рода прямая речь автора. Как историка, ставящего своей целью напомнить миру о забытом славянском племени, Венелина, очевидно, не могли не привлечь сдержавшиеся в Житии Петки данные о героическом времени тырновского царя Иоанна Асеня, сына старого болгарского царя Асеня, который „крѣпко дрѣжашѣ тогѡзи царствѣ” (Тихонр., л. 588), о его походах и завоеваниях, как и сама возможность напомнить русскому и европейскому читателю, которому предназначалась Грамматика, имя славного патриарха „Терновского и всея Болгарии” Евфимия.

Находим в этом высказывании и некоторые данные об источнике, из которого было взято Житие Петки и который в самой Грамматике Венелин называет „кодексом рукописным поучительных слов”¹⁷. Специальный лингвотекстологический анализ, на котором здесь нет возможности остановиться¹⁸, позволил мне в свое время показать, что этим источником был один из дамаскинов XVIII в., известный в науке как Тихонравовский дамаскин по имени Н. С. Тихонравова, к которому рукопись перешла „из рукописных остатков после профессора Погодина, а последнему она досталась от Венелина”¹⁹.

Как известно, „Грамматика нынешнего болгарского наречия”, с

которой в рукописи ознакомился ряд русских славистов, осталась неопубликованной. Не сообщил в печати о своем знакомстве с одним из новоболгарских дамаскинов — Люблянским дамаскином — и В. И. Григорович, который, судя по оставленной в рукописи карточке, работал над ним в собрании Копитара публичной библиотеки г. Любляны, отметил, что рукопись написана на новоболгарском диалекте (*liber nova bulgarica dialecto scriptus*), описал ее содержание, выделив Житие св. Петки Тырновской (*vitam S. Petkae Ternoviensis*) и охарактеризовал рукопись как „примечательнейшую“ (*inter memorabilia referendum*)²⁰. Поэтому первым появившимся в печати сведениям о новоболгарском тексте Жития Петки наука обязана В. И. Ламанскому, который в 1868 г. проездом из Загреба в Венецию остановился в Любляне, ознакомился с рукописью № 21 собрания Копитара (Люблянским дамаскином), успел переписать из нее несколько произведений, в том числе Житие св. Петки (л. 96—103) и вскоре выступил в печати „с кратким объяснением историко-литературного значения одного из редчайших памятников Болгарской словесности XVI—XVII веков“²¹, описанием его содержания, обзором фонетических, грамматических и словарных особенностей. Высоко оценив мастерство болгарского писателя, „так искусно владевшего народною речью и столь явно стремившегося к изложению простому и удобопонятному“²², отметив, что „Люблянская рукопись принадлежит, несмотря на свою недревность, к замечательнейшим и любопытнейшим памятникам славянским и как памятник словесности XVI—XVII в., и как памятник чисто-народного Болгарского наречия этого времени“²³, Ламанский публикует обширные выдержки из трех входящих в нее произведений, в том числе из Жития Петки, которое привлекло его особое внимание. „Это житие известно, — пишет он, — но наш список любопытен по чистоте и народности языка и по следующему месту, которое есть, кажется, вставка позднейшего Болгарина, переписчика и подновителя слога. Это место, заключающее в себе предание о Болгарском царе Иоанне Асене, следует за описанием взятия Цареграда франками“²⁴. Приведя текст заинтересовавшего его эпизода, Ламанский замечает: „Это полулегендарное сказание о царе Иоанне Асене, взявшем Цареград у франков и сделавшем их своими раями (курсив автора — Е. Д.), весьма любопытно, ибо выражает воззрения православных на Латинян“²⁵.

Мы знаем, что „полулегендарное сказание о царе Иоанне Асене“ входило уже в состав пространной редакции, принадлежавшей Евфимию, следовательно, предположение Ламанского неверно. Нельзя, однако, не оценить его наблюдательности. В эпизоде: *амѣ поидѣ на цариградъ, и нѣго прѣкѣ и цю вѣхѣ тамо фрѣнцѣи, поклонѣхѣ мѣ се да съ нѣгова рага, и хазна да мѣ давати* (Любл., л. 102а),²⁶ чтение *да съ нѣгова рага*, содержащее характерный для эпохи османского ига турцизм, действительно внесено создателем новоболгарского текста²⁷. Ср. параллельное место в евфимиевской редакции: *и самѣи тѣ царѣствуѣющѣи градъ повоюва же и покорѣи, и иже тамо дръжещѣ фрѣгѣи подданѣиу устрои*²⁸.

Отметив „чистоту и народность” языка Жития Петки, как и Люблянской рукописи в целом, Ламанский заключает: „На этот памятник болгарский... могут указать новейшие болгарские писатели, настаивающие на законности и необходимости литературной обработки чистонародного болгарского наречия”²⁹. В этом, как мы видим, Ламанский солидарен с Венелиным.

Сделанные Ламанским выписки из Люблянского дамаскина, в частности Жития Петки, как и опубликованное им сочинение о болгарском наречии и письменности в XVI—XVII вв., привлекли внимание И. И. Срезневского в его работе 1872 г., посвященной истории текста Слова о втором пришествии и антихристе³⁰. Знакомство с Ханджарским дамаскином 1686 г., подаренным Срезневскому одним из болгарских возрожденцев — С. Н. Палаузовым и содержащим, в том числе, и Житие Петки Евфимия Тырновского „на языке церковнославянском”³¹, позволило ему установить, что „на л. 314 читается то место, на которое по другому изложению обратил внимание В. И. Ламанский”³² (имеется в виду предание о царе Иоанне Асене). Срезневский приводит название Жития Петки по Ханджарской рукописи, в котором упоминается имя Евфимия патриарха Тырновского: *мѣца ѿктомвриѣ. дѣ. Житїе и жїзнь преподобнѣ мѣтре нѣше Пѣтки. в немъ же и како прѣнесена бѣсть в градь Тырновъ. съписано Евѣимїемъ патїрѣархѣмъ Тръновскѣмъ*, а также „для образца языка” публикует параллельный приведенному Ламанским отрывок Жития (лл. 311—315)³³. Это первые текстологические наблюдения над сочинением Евфимия, свидетельствующие о том, что „предание о болгарском царе Иоанне Асене”, о котором говорил В. И. Ламанский, не является отличительной чертой новоболгарской версии Жития.

О языковых особенностях Ханджарского дамаскина Срезневский пишет: „Язык означенных поучений один и тот же Славянский книжный, впрочем отступающий от правильности не только в правописании, но и частью и в изменениях и сочетаниях слов, а равно и в подборе их, и приближаясь в этом к народному Болгарскому, а в выговоре к Сербскому”³⁴. И далее: „Всего более Болгарского видится... в заглавиях поучений. Впрочем и тут Болгарские особенности выступают не так ярко, как... в рукописи, описанной подробно в отношении к языку В. И. Ламанским”³⁵. Оценивая Люблянский дамаскин, Срезневский замечает: „Эта рукопись очень важна как образец употребления Болгарского наречия вместо церковного, что и доказано превосходно... В. И. Ламанским”³⁶. Эти наблюдения Срезневского являются весьма ценными как первая попытка сопоставления особенностей языка архаичной и новоболгарской редакций, включавшихся в дамаскины произведений, в том числе евфимиевского Жития Петки.

В 1882—1883 годах одна за другой появляются посвященные интересующему нас вопросу статьи В. Качановского³⁷, полемизирующего с ним П. Сырку³⁸ и ответная статья В. Качановского³⁹. Характерно, что оба автора, подобно Венелину, собрали материал для своих статей во

время своих путешествий по Болгарии. Их работы являются серьезным вкладом в изучение творчества патриарха Евфимия, в частности, судьбы его сочинения о св. Параскеве — Петке Тырновской.

„Личность тырновского патриарха Евфимия, — пишет В. Качановский, — является в истории последнего периода существования Болгарского царства особенно выдающеюся как по своей политической деятельности, так и по литературной”⁴⁰. Занимая важное, представительное место в болгарской истории, Евфимий мог располагать всеми возможными для того времени средствами при составлении своих произведений. Во всех них „проглядывает громадная начитанность в творениях св. отцов церкви и непосредственное знакомство с отечественною историей. С этой последней точки зрения, — подчеркивает Качановский, — произведения патриарха Евфимия представляют очень важный источник, служат вместо болгарской летописи, о которой современная наука ничего не знает, хотя есть свидетельства ее существования в болгарской литературе и громадного значения ее в жизни старой Болгарии”⁴¹.

Для доказательства своей мысли о том, что произведения патриарха Евфимия по своим историческим данным имеют значение летописи, Качановский и обращается к тексту пространного евфимиевского Жития св. Петки, которое, по его словам, „драгоценно своими подробностями о перенесении мощей св. Петки из Епиват в Тырново”⁴². Приведя отрывок текста пространного Жития св. Парскевы, „вышедшего из-под пера патриарха Евфимия”, по рукописи №62 Рыльского монастыря, которая „писана в Рыльском монастыре „понуждением и настоянием игумена сей обители Феофана”⁴³, Качановский курсивом выделил в нем места, содержащие эти „интересные сведения”, в частности, сведения о завоеваниях „благочестивого царя болгарского Иоанна Асеня сына старого царя Асеня”, о митрополите великого Преслава всеосвященном Марке, о матери Иоанна Асеня царице Елене и его супруге Анне и др.

Оценивая достоверность исторических данных, содержащихся в сочинениях Евфимия, Качановский замечает, что „как сын своего времени патриарх Евфимий с полною доверчивостью вносил в свои произведения и некоторые легендарные сказания, очевидно, принимая их за несомненные исторические факты”⁴⁴. В частности, по его словам, патриарх Евфимий „несколько увлекся патриотизмом и не вполне верно передал факты”, допустил „неверности и путаницу, именно: болгарский царь Иоанн Асень занял Солун, чего никогда не бывало; латиняне, повелевавшие в Константинополе, платили ему дань, чего тоже не было”⁴⁵. Заметим попутно, что опубликовав по списку XV в. евфимиевской редакции Жития Петки предание о болгарском царе Иоанне Асене, по поводу которого Ламанский высказал предположение, что в новоболгарском тексте по Люблянской рукописи это „кажется вставка позднейшего Болгарина, переписчика и подновителя слога” (см. выше), Качановский не воспользовался возможностью указать на ошибочность этого предположения,

хотя, судя по имеющейся в одной из его статей ссылке, он знал о существовании работы Ламанского.

Интерес к чисто содержательной стороне произведений Евфимия с позиции историка, очевидно, послужил причиной того, что Качановский, в отличие от Венелина, Григоровича, Ламанского, Срезневского, не смог оценить историко-лингвистического значения новоболгарской версии Жития Петки, ее народного в своей основе языка, употребленного „вместо церковного“⁴⁶. По поводу изданного П. Сырку по одному из новоболгарских дамаскинов тексту Жития Петки Тырновской (см. об этом ниже) Качановский пишет: „Решительно непонятно, что побудило его издавать такой поздний список этого „жития“ (на болгарском языке), когда это житие по древнейшему списку было раньше издано (в „Вел. Мин. Чет.“, окт. стр. 1021—1042), а в нашей статье „К вопросу о литературной деятельности патриарха Евфимия“ точно также сделаны большие выписки из этого жития для обрисовки личности патриарха Евфимия. Если цель его статьи — дать точное понятие о двух произведениях патриарха Евфимия — „житии Иоанна Рыльского“ и „житии св. Параскевы“, то, казалось, следовало бы обратить внимание на список, ближе стоящий к оригиналу, составленному патриархом Евфимием, а не на самый отдаленный“⁴⁷.

Обращаясь к Сырку с упреком, что он „даже не счел нужным исследовать, как сделан ново-болгарский перевод: буквально или со вставками“, Качановский предпринимает сопоставление изданного им обширного отрывка пространной евфимиевской редакции Жития с опубликованным Сырку параллельным болгарским текстом (переписав их в два столбца) и приходит к выводу, что „новоболгарский перевод сделан не вполне точно“⁴⁸. Это первые конкретные наблюдения над соотношением текста архаичной и новоболгарской редакций Жития. Попутно Качановский обращает внимание на некоторые характерные написания в изданном Сырку новоболгарском тексте Жития безосновательно считая их ошибочными: „Вот важнейшие неверности: „душѣта“ вм. „душата“ (несколько раз), „таквъзи сила“ вм. „таквази сила“, отъ майка и бащѣ вм. отъ майка и баща, глугы вм. глугы и др.“⁴⁹. К этому сводятся наблюдения Качановского, относящиеся к новоболгарской версии Жития Петки Тырновской.

Крупным вкладом в изучение интересующего нас вопроса является уже упоминавшаяся статья П. А. Сырку „Несколько заметок о двух произведениях тырновского патриарха Евфимия“, которая содержит ряд ценных сведений по истории создания и дальнейшего бытования евфимиевского Жития Петки, его соотношению с другими сочинениями, посвященными этой святой, о дошедших до нас южнославянских и восточнославянских списках этого произведения, его публикациях, об основанных на нем румынских версиях митрополита Варлаама (1643) и митрополита Досифея (1682).

В центре внимания Сырку наличие простонародных, в том числе

новоболгарских, переводов Жития. Сырку подчеркивает, что выдающиеся произведения патриарха Евфимия, написанные, может быть, в последние дни существования болгарского царства, пользовались большим уважением не только у современников, но и после падения Болгарии под власть турок. Они „не только переписывались множество раз в самой Болгарии и у сербов, так и у румынов и у русских, но некоторые из них переведены в новейшее сравнительно время были на простонародный болгарский язык, также сербский и даже на румынский и русский”⁵⁰. При этом наиболее распространенным на всем славянском юге было составленное Евфимием Житие св. Петки Тырновской, вошедшее, в частности в сборник Божидара, напечатанный в Венеции в 1535 г.

Как полагает Сырку, это житие „уже довольно рано сделалось любимым народным чтением, судя по тому, что оно является на простонародном болгарском языке со вставкой болгарского предания о И. Асене, составляющей небольшой вариант такого же предания в переводе синаксария и другими особенностями, что уже давно известно из люблянской рукописи”⁵¹. В отличие от Ламанского, который Люблянскую рукопись относил к памятникам болгарской словесности XVI—XVII вв., Сырку считает, что „новоболгарский перевод по всем признакам языка новейшего времени”, соглашаясь в этом отношении с М. С. Дриновым, датировавшим Люблянский сборник XVIII в.⁵² „Но, по моему разумению, — пишет он, — житие преподобной Петки должно было быть довольно распространено в народе гораздо раньше, иначе трудно объяснить, какими мотивами руководствовался переводчик, избрав для перевода именно житие этой святой, а не иной или иного”⁵³. Не останавливаясь специально на основательности последнего довода (известно, что на новоболгарский язык были переведены многие произведения, в том числе жития целого ряда святых, некоторые из них были знакомы Сырку), отметим, что сам факт широкой популярности евфимиевского жития Петки, непрерывающиеся традиции его бытования не вызывают сомнений.

Оценивая содержательную сторону Жития, Сырку, как и Качановский, подчеркивает: составленное патриархом Евфимием на основании каких-то местных источников, отражающих факты болгарской истории, — летописей, записей и других официальных, а может быть и неофициальных документов, — Житие Петки Тырновской имеет тем самым „кроме историко-литературного значения еще и документальное. Что же касается стиля, — добавляет он, — то это житие, по моему разумению, одно из самых риторических произведений Евфимия; по нему одному можно заключить, что составитель его один из лучших риторов своего времени”⁵⁴.

Большую ценность работе Сырку придает публикация полного новоболгарского текста Жития Петки Тырновской Евфимия патриарха Тырновского по рукописи, которую ему „посчастливилось найти и списать” во время его путешествия по Болгарии в г. Русчуке, куда „рукопись привезена из города Жеравны (в северо-восточном углу нынешней Восточной Румелии)”⁵⁵. Отметив, что публикуемый им список „вполне

сходен" со списком в Люблянской рукописи⁵⁶, Сырку „по письму" относит содержащую его рукопись, ныне известную как Жеравненский дамаскин (№339 Софийской народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия), к самому концу XVII или началу XVIII в. В своем издании Сырку стремился придерживаться правописания подлинника (что и вызвало отмеченные выше замечания Качановского), хотя и снял надстрочные знаки и некоторые ударения, а часть последних изменил.

Следует подчеркнуть, что благодаря работе Сырку впервые был введен в широкий научный обиход п о л н ы й текст новоболгарской версии „Жития Петки Тырновской" (как мы уже отмечали, подготовленный Ю. Венелиным для публикации полный текст Жития по Тихонравовскому дамаскину, хотя и стал известен ряду ученых, ознакомившихся с его Грамматикой, остался в рукописи, Ламанский в своем сочинении привел только обширную выдержку из этого произведения по Люблянскому дамаскину). Любопытно, кстати, отметить счастливую игру случая, благодаря которому в руки первых российских исследователей попали все три разновидности старшей новоболгарской версии Жития Петки, отраженные соответственно в дамаскине I новоболгарского типа (Тихонравовском), II новоболгарского типа (Люблянском) и дамаскине смешанного типа, осуществляющем переход между ними (Жеравненском), а также дамаскин архаичной редакции на традиционном болгарском литературном языке (Ханджарский), к которой восходит новоболгарский текст⁵⁷.

Обзор работ российских филологов XIX в. — Ю. И. Венелина, В. И. Григоровича, В. И. Ламанского, И. И. Срезневского, В. Качановского, П. А. Сырку, в той или иной связи коснувшихся „Жития Петки Тырновской" патриарха Евфимия и, специально, его старшей новоболгарской версии, несмотря на весь свой частный характер, свидетельствует о том живом интересе к истории, словесности и языку болгарского народа, который был характерен для русского славяноведения с самых его истоков.

Вместе с теми или иными наблюдениями над этим талантливым произведением и публикацией его текста в науку вошли первые сведения о новоболгарской письменности XVII столетия, ее народном в своей основе языке, о рукописях новоболгарских дамаскинов XVII в. — Тихонравовского, Люблянского, Жеравненского и отношении отраженного в них текста „Жития Петки Тырновской" к тексту архаичной редакции по Ханджарскому дамаскину, свидетельствующем о стойкости болгарской культурной традиции, ее континуитете. Появившиеся на рубеже века работы Ст. Аргирова, Б. Цонева, П. А. Лаврова, посвященные изучению письменности дамаскинов⁵⁸, Е. Калужняцкого о творчестве патриарха Евфимия и Житии св. Параскевы⁵⁹ — Петки Тырновской во многом обязаны этим первым шагам русских славистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интерес к отдельной личности, ее индивидуальным особенностям, характерный для женских образов агиографических сочинений Евфимия, среди которых выделяется образ св. Петки Тырновской, отмечал еще К. Ф. Радченко (К. Ф. Радченко, Религиозное и литературное движение в Богарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898, с. 280).

² E. Kaľužniacki. Zur älteren Paraskevaliteratur der Griechen, Slaven und Rumänen — „Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien“, Philos-hist Classe, B, C XLI, VIII. Wien, 1899, S. 17—93.

³ Перечень рукописей из собраний Зографского, Рыльского, Нямецкого, Соловецкого монастырей, собраний Софийской, Белградской, Вильнюсской Библиотек, собрания Петербургской духовной академии и частных собраний, содержащих текст различных редакций Жития Петки см.: П. Динев, К. Куев, Д. Петканова. Христоматия по старобългарска литература, София 1961, с. 335—336. Текст Жития Петки по сборнику Божидаара переиздан в работе: Novaković St. Život sv. Petke. Od patriarha bugarskoga Jeftimija — „Starine“, IX, Zagreb, 1877, p. 48—59.

⁴ П. А. Сырку. Новый взгляд на жизнь и деятельность Григория Цамблака. „Журнал министерства народного просвещения“, т. 236, 1884, с. 126; E. Kaľužniacki Op. cit., с. 17—31; Olteanu P. „Damaskinsky“ prúd v slovansko-rumunskiej literatúre — Referáte a prednášky prednesene na VII-om kongrese slavistov. București, 1973, p. 31—33.

⁵ E. Kaľužniacki Op. cit., с. 42—47, 92.

⁶ Е. И. Демина. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч. I. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. София, 1968, с. 162—169. Здесь же см. данные о дамаскинах, содержащих различные редакции евфимиевского Жития Петки Тырновской.

⁷ Е. И. Демина. Указ. соч., с. 163—169.

⁸ Е. И. Демина. „Житие Петки“ Евфимия Тырновского в новоболгарской письменности. — Тырновска книжовна школа. т. II. Ученици и последователи на Евтимий Тырновски. София, 1980, с. 183—1192.

⁹ И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб, 1910.

¹⁰ П. А. Сырку. Несколько заметок о двух произведениях тырновского патриарха Евфимия. — Сборник статей по славяноведению, составленный к изданным учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883, с. 401.

¹¹ Ю. И. Венелин. Грамматика нынешнего болгарского наречия. — Архив Венелина в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, фонд 49, картон I, ед. I, с. 355.

¹² Ср. замечание самого Венелина: „Весною 1830 г. я имел честь принять поручение Императорской Российской академии съездить за Дунай с целью Археологическою и Филологическою. Между прочим, мне было поручено изучить болгарское наречие и составить его Грамматику, так как на этом только наречии ее еще не было“. (Ю. И. Венелин зародыше новой болгарской литературы, I. Москва, 1838, с. 6).

¹³ Ю. И. Венелин. О зародыше..., с. 31.

- ¹⁴ Там же, с. 32.
- ¹⁵ Анализ предложенных Венелиным решений см. в статье: Е. И. Демина Нормализация правописания болгарского литературного языка эпохи Возрождения в представлении Ю. И. Венелина. — Венелин и болгарское Возрождение. (В печати).
- ¹⁶ Письмо Президенту Российской академии А. С. Шишкову от 1 февраля 1834 г. — ГБЛ, фонд 49, папка I, ед. 2, л. 4.
- ¹⁷ Ю. Венелин. Грамматика нынешнего болгарского наречия, с. 352.
- ¹⁸ См.: Е. И. Демина. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч. II. Палеографическое описание и текст. София, 1971, с. 8—15.
- ¹⁹ П. А. Лавров. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. Москва, 11893, с. 3. Ныне рукопись хранится в ГБЛ в собрании Н. С. Тихонравова, фонд 299, № 702.
- ²⁰ В. И. Ламанский. Непорешенный вопрос. Статья II. Болгарское наречие и письменность в XVI — XVII вв. Венеция, 1868, — „Журнал министерства народного просвещения“, ч. 143. СПб, июнь 1869, с. 350.
- ²¹ В. И. Ламанский. Указ. соч., с. 352.
- ²² В. И. Ламанский. Непорешенный вопрос. — ЖМНП, ч. 144, июль 1869 г. с. 90.
- ²³ Там же, с. 120.
- ²⁴ Там же, с. 107.
- ²⁵ Там же, с. 108.
- ²⁶ С. Аргиров. Люблинският български ръкопис от XVII век. — СБНУ, кн. XII, 1895, с. 555.
- ²⁷ Ср. в Тихонравовском дамаскине, л. 59: да съ нѣгова райъ и данъ да мѣ дѣвать; так и в Жеравненском дамаскине, о котором см. ниже.
- ²⁸ Цитируется по рукописи №62 Рыльского монастыря 1483 г. в публикации В. Качановского. Ср.: В. Качановский. К вопросу о литературной деятельности болгарского патриарха Евфимия. — „Христианские чтения“, 1882 №7—8, с. 7.
- ²⁹ В. И. Ламанский. Непорешенный вопрос. ч. 144, с. 120.
- ³⁰ И. И. Срезневский. Разбор сочинения К. Невоструева: Слово св. Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в. с исследованием о слове и о другой мнимой беседе Ипполита о том же с примечаниями и приложениями. — Отчет о пятнадцатом присуждении наград графа Унрова 25 сентября 1872 г. СПб., 1874, с. 227—231.
- ³¹ И. И. Срезневский. Указ. соч., с. 164.
- ³² Там же, с. 230.
- ³³ Там же, с. 299—231.
- ³⁴ Там же, с. 229. Заметим, что говоря о приближении языка Ханджарского дамаскина „в выговоре к Сербскому“, Срезневский, очевидно, исходил из особенностей ресавской правописной редакции, присущей дамаскинам архаичной редакции (и, через них — новоболгарскому тексту).
- ³⁵ Там же, с. 231.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ В. Качановский. К вопросу о литературной деятельности болгарского патриарха Евфимия, с. 1—50.
- ³⁸ П. А. Сырку. Несколько заметок о двух произведениях тырновского патриарха

Евфимия. — Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб, 1883, с. 348—401.

³⁹ В. К а ч а н о в с к и й. Новые данные для изучения литературной деятельности болгарского тырновского патриарха Евфимия (1375—1393) — „Христианские чтения“, 1883, с. 1—28.

⁴⁰ В. К а ч а н о в с к и й. К вопросу о литературной деятельности..., с. 1.

⁴¹ Там же, с. 2.

⁴² Там же, с. 4.

⁴³ Там же, с. 6—8.

⁴⁴ Там же, с. 13.

⁴⁵ В. К а ч а н о в с к и й. Новые данные для изучения литературной деятельности болгарского тырновского патриарха Евфимия, с. 27.

⁴⁶ И. И. С р е з н е в с к и й. Разбор сочинения К. Невоструева, с. 164.

⁴⁷ В. К а ч а н о в с к и й. Новые данные для изучения..., с. 23—24.

⁴⁸ Там же, с. 24—26.

⁴⁹ Там же, с. 27.

⁵⁰ П. А. С ы р к у. Несколько заметок..., с. 349.

⁵¹ Там же, с. 386.

⁵² Там же. В отношении датировки Дринова Сырку ссылается на Периодическое описание на Българско книжно дружество в Средец, кн. III, Средец, 1882, с. 13.

⁵³ П. А. С ы р к у. Указ. оч., с. 386—387.

⁵⁴ Там же, с. 395.

⁵⁵ Там же, с. 387.

⁵⁶ Там же, с. 393.

⁵⁷ Е. И. Д е м и н а. Тихонравовский дамаскин..., ч. I, с. 162—169.

⁵⁸ С т. А р г и р о в. Люблянският български ръкопис от XVII в. — СбНУ, кн. XII 1895, с. 463—560, кн. XVI и XVII, 1900, с. 246—313; Ц о н е в Б. Новобългарска писменост преди Паисия. — „Български преглед“, год. I, кн. VIII, София, 1894, с. 80—94; П. А. Л а в р о в. Дамаскин Студит и сборники его имени „дамаскины“ в югославянской письменности. Одесса, 1899.

⁵⁹ E. K a ł u ż n i a s k i. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375—1393). Wien, 1901; о н ж е: Zur älteren Paraskevaliteratur der Griechen, Slaven und Rumänen, Wien, 1899.